

Д. А. Севостьянов

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАФИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Представлен философский анализ графических тестов, которые в настоящее время широко распространены. Рисуночные тесты представляют собой важнейший объект философских исследований как модель иерархических взаимоотношений и инверсий в психической структуре. Эта модель позволяет узнать многое об иерархических системах. Автор опирался на факт наличия иерархической структуры в активности человека, согласно выдающемуся российскому физиологу Н. А. Бернштейну.

This paper offers a philosophical analysis of graphic tests, which have become predominant recently. Drawing tests, as a model of hierarchical interrelations and inversions in the psychic structure, are an important object of philosophical research. By means of this model, we can learn a lot about hierarchical systems. The author relied on the presence of a hierarchical system in human activity stated by the great Russian physiologist Nikolai Bernstein.

Ключевые слова: графические тесты, иерархическая система, моторный уровень, инверсия.

Key words: graphic tests, hierarchical system, motor level, inversion.

Поскольку психика человека составляет естественную основу всякой философии, методы диагностики психических особенностей индивидуума представляют собой помимо прочего важнейший объект философского анализа. Среди других методов психодиагностики весьма заметное место занимают так называемые проективные методы. Наиболее известная их разновидность — всевозможные графические методики. Например, это Draw-A-Person Test, или DAP (К. Махвер) [8]; тест «Дом — дерево — человек» (Дж. Бук) [5]; «Несуществующее животное» (М. З. Дукаревич) [2; 6]; тест «Звезды и волны» (Урсула Аве-Лаллемант) [1]. Сюда же можно отнести и миокинетический тест Е. Мира-и-Лопес [9].

A priori предполагается, что каждый субъект (испытуемый), создавая любое изображение на заданную тему, особенно человека или другого живого существа, сообщает изображенному некоторые черты собственной индивидуальности. Происходить это может, как следует из литературных данных, двояко: субъект наделяет изображение именно теми соматическими и психологическими чертами, которыми обладает сам (точнее сказать, вносит в изображение детали и особенности, которые символизируют его собственные психические и соматические качества), либо, наоборот, теми качествами, нехватку которых ощущает у себя.

Проективные психодиагностические тесты нашли широкое применение в работе практических психологов; с тех пор как в штат средних учебных заведений была включена должность психолога, практически все школьники подвергаются такому тестированию.

Содержательный анализ тестов, оценка их надежности и валидности всецело относятся к сфере деятельности психологов. Наша задача — рассмотреть философские аспекты проективного психологического тестирования.

Целью всякого тестирования представляется раскрытие некоторых черт личности, не доступных исследователю в ходе непосредственного наблюдения (иначе надобность в тестировании отпала бы сама собой). Не менее важно то, что исследуемые черты личности находятся вне актуального сознания испытуемого (в противном случае он стал бы давать на задания теста социально одобряемые ответы). Именно в этом отношении невербальные проективные (графические) методики оказываются предпочтительнее вербальных тестов. Вербальные тесты в любом случае опираются на самооценку и позитивное самопредъявление испытуемого. Он нередко понимает, о чем именно его спрашивают, и дает ответы, которые могли бы положительно его характеризовать. Многие тесты приходится поэтому снабжать защитой («шкалой лжи»). И хотя такие недостатки проявляются при использовании вербальных тестов далеко не всегда, их все-таки приходится учитывать.

Иное дело графическая психодиагностика. Любой рисунок содержит в себе материал для множества оценочных параметров, удержать которые в актуальном сознании не может даже человек, испытанный в графическом тестировании. К тому же содержание многих графических признаков не может быть вербализовано. Существует ряд параметров рисунка, которые лишь с трудом поддаются осознанной фальсификации или не подлежат ей вовсе, ибо моторные

особенности рисунка столь же устойчивы, как и почерк при письме. Обычный же испытуемый, как правило, не представляет, что именно ожидает увидеть психолог в его рисунке.

Эти свойства графического теста, обеспечивающие «засекречивание» от испытуемого востребованной информации, могут быть приняты как данность; однако анализ их происхождения позволяет раскрыть новые возможности, и не только применительно к графическим тестам.

В создании изображений (тестовых рисунков) принимают одновременное участие практически все значимые моторные структуры человека, которые образуют иерархическую систему [3]. Эволюционно эти структуры появлялись в филогенезе человека в порядке надстройки филогенетически более молодых структур над более старыми. При этом, как известно, отмечается феномен энцефализации — перехода основных функций к более новым структурам; ранее же существовавшим анатомо-функциональным образованиям нервной системы отводятся служебные функции. Формируется своего рода многоуровневая система с вертикальным соподчинением.

Иерархические системы обладают собственными общими свойствами, которые являются предметом не психологического, а философского исследования. Частный случай такой системы — моторика человека. Логика работы такой иерархической системы в данном случае заключается в том, что в каждом действии человека задействованы несколько моторных уровней. Н. А. Бернштейн, выдающийся отечественный физиолог, называл их уровнями моторного построения; он описал пять таких уровней (А, В, С, D и E); некоторые из них еще подразделены на подуровни. При этом *осознанные* действия, по мнению ученого, обеспечивает высший из участвующих в конкретном действии уровень; остальные, ниже лежащие — его обслуживают, а их активность выпадает из актуального сознания. Например, при простейшем акте локомоции (т.е. ходьбы) человек осознает, что он идет в определенном направлении (это работает уровень моторного построения С, он в данном случае высший, и потому осознается только его работа). Уровень В при этом обеспечивает синхронное и одновременное сокращение мышечных групп, но эта его работа не осознается. Уровень А, в свою очередь, также неосознанно, обеспечивает надлежащий тонус (сократительную готовность) скелетной мускулатуры. Высший уровень (из тех, что задействованы в данном конкретном двигательном акте) работает в актуальном сознании. Низшие же уровни освобождают сознание от излишней черновой работы. Это имеет серьезное психофизиологическое обоснование, поскольку информационная емкость актуального сознания не беспредельна.

Но в ряде случаев (а графическое тестирование — один из таких примеров, и весьма иллюстративный) происходит парадоксальное явление. На уровне актуального сознания начинает работать нижестоящий уровень, в то время как активность вышестоящего уровня перестает осознаваться, т.е. мы имеем дело с явлением *моторной инверсии*. При этом на поверхность сознания выходит *содержание* ниже лежащих уровней — индивидуально-психологические особенности, а также двигательная биография и апперцепция субъекта.

Каждый моторный уровень предусматривает определенный набор движений, в которых он выступает в качестве главного (ведущего). Но этот перечень охватывает совокупное моторное богатство *всех* людей; в то время как каждый человек имеет некоторый личный, меньшей величины перечень освоенных им двигательных актов. Так, например, уровень С является ведущим в таком виде движений, как прыжки на батуте; но нужно помнить, что большая часть человечества никогда в своей жизни не совершала таких прыжков. Этот индивидуальный набор освоенных (и автоматизированных) движений составляет содержание моторного уровня. Но содержание моторного уровня этим не исчерпывается. К примеру, в него следует включить некоторые сугубо индивидуальные особенности двигательного акта, в том числе и рисования. В рисунке находит выражение содержание всех уровней:

- всевозможные символические конструкции (уровень E),
- осмысленные топологические фигуры (например, обобщенная фигура «человек», «дерево», «животное» со всеми их деталями) (уровень D);
- характер использования пространства листа и реалистичность фигуры (уровень С),
- характер линий (уровень В),
- характер произвольных отклонений изображений и отдельных линий, вызванный особенностями тонуса (уровень А).

Испытуемый в процессе графического тестирования выполняет задание — нарисовать фигуру, относящуюся к определенному топологическому классу, при этом он осознает именно это действие. Скажем, ему предлагается изобразить фигуру топологического класса «человек», «дом» или «дерево» (в тесте Дж. Бука), «животное» (М.З. Дукаревич) либо «волны и звезды» (У. Авеллалемант), то есть осознанно выполняет действие на топологическом уровне D. Операции с

символами формально относятся к вышележащему уровню E. Но этот уровень в данный момент исключен из сознательной деятельности. Символы проникают в изображение, и этот процесс *не осознается*. Против своей воли, а вернее, помимо нее человек раскрывает в рисунке свой внутренний мир, выраженный, в частности, в символах тех или иных психических свойств и состояний. Когда человек эти символы изображает, он не осмысливает их — они появляются на рисунке как бы сами собой, независимо от его сознательных решений.

Иными словами, уровни D и E в двигательной иерархии фактически меняются местами: уровень D становится ведущим (осознаваемым), а уровень E — фоновым (неосозанным). В смысловом же отношении ведущим остается уровень E: в рисунках нас интересуют больше всего как раз именно *символы* тех или иных психических состояний. Как раз в изображении символов и заключается ценность диагностического рисунка. Таким образом, рассматривая активность человека, мы имеем дело с иерархической структурой, в которой прослеживаются инверсивные отношения.

Инверсии уровней D и E (E—D) — отнюдь не единственный подобный случай, но из соображений краткости остановимся только на одном, весьма показательном проявлении моторных инверсий.

Инверсия может охватывать всю вертикаль моторной иерархии — от уровня E до уровня A включительно. Так, существенным симптомом в графической диагностике является отклонение изображенной фигуры (например, фигуры человека) от вертикали вправо или влево. Уровень A (самый древний из всех) обеспечивает тонус сегментарно организованного тела, безотносительно к наличию у него конечностей; между тем как конечности являются позднейшими дериватами тех или иных сегментов туловища. Разные сегменты тела (у человека они наглядно представлены позвонками и менее наглядно — сегментами спинного мозга) получают неодинаковый тонус, и в этой разнице тонуса отображаются некоторые символы. Таким образом, свершается инверсия E—A. Отклонение изображенной фигуры *вправо* (при условии, что рисовавший — нормально организованный правша) предполагает преобладание тонуса мышц-разгибателей над сгибателями; отклонение *влево*, напротив, будет означать, что преобладает тонус сгибателей. Субъект, у которого преобладает тонус сгибателей, будет пассивно реагировать на опасную ситуацию (стремление вернуться в эмбриональную позу, спрятаться и затаиться), а тот, у кого преобладает тонус разгибателей, будет активно реагировать на опасность (борьбой или бегством). Реакция на опасность (действительную или мнимую) у человека есть результат символического осмысления действительности (уровень E), но пока никакой опасности нет (а в ситуации тестирования ее действительно нет), реальное выражение будущей реакции на опасность обнаруживается в особенностях мышечного тонуса, заметных в рисунке (уровень A). На такой инверсии построен и графический тест Мира-и-Лопес [9]. Нечто подобное наблюдается и при анализе почерка: если строки (при письме по нелинованной бумаге) загибаются вниз, то графологи считают это проявлением пессимизма и слабости реагирования (это соответствует преобладанию тонуса мышц-сгибателей). Напротив, задранные вверх строки (при преобладании тонуса мышц-разгибателей) говорят об оптимизме и силе [13, с. 27]. В этом также проявляется смысловая инверсия.

Более чувствительный (буквально) характер инверсия E—A приобретает при некоторых заболеваниях. Вызванные некоторым символическим переживанием расстройства тонуса мышц на определенном сегменте тела вызывают подчас сильные боли (миофасциальный синдром); это состояние описано последователем Фрейда Вильгельмом Райхом как «характерный мышечный панцирь». Боль становится мучительной, символическое же переживание, вызвавшее эту боль в порядке инверсии, уже пребывает в забвении — оно вытеснено в сферу бессознательного.

Инверсивные отношения в активности человека имеют огромное значение; впрочем, инверсии как системное свойство присутствуют в самых разнообразных иерархических системах [10; 12]. Тем не менее их роль всегда недооценивалась, а Томас Саати, который фактически признал за инверсиями системный характер, считал их все же второстепенным типом отношений: «"Реверсивное" воздействие, или обратная связь, будучи зачастую важным, все же не так существенно, как это может показаться вначале. Анализ нескольких задач проведен сначала без учета обратной связи, а затем с ее учетом. Первые результаты были достаточно близки, и это позволяет допустить, что правильно построенная иерархия будет в большинстве случаев хорошей моделью реальности, даже если возможные обратные связи игнорируются» [12, с. 17]. Чем же вызвана такая недооценка роли инверсий?

Понятно, что в любой системе, для того чтобы могли возникнуть инверсивные отношения, должны сначала выстроиться традиционно-иерархические связи: без этого инверсия не имеет для своего возникновения никакой точки опоры. Но дело не только в этом. Именно в моторной сфере

человека, то есть там, где инверсивные отношения особенно часты и наглядны, оценка их значений далека от адекватной.

Если изучать то или иное целенаправленное действие, решение той или иной частной (и притом конвергентной) двигательной задачи, то мы чаще всего не обнаружим здесь никаких инверсий. Для конвергентных двигательных задач может быть найден некоторый оптимальный вариант решения, все отклонения от которого суть погрешности и ошибки. В каждом движении имеется, однако, некоторая свобода выбора двигательных траекторий, которая в трудах Н.А. Бернштейна обозначается как «переключаемость». Переключаемость затрагивает не результат движения, а только лишь путь к этому результату; двигательный акт, таким образом, остается конвергентным. Переключаемость же выражена тем больше, чем выше располагается двигательный акт в моторной иерархии. Огромное количество конвергентных движений, которое мы используем ежедневно, создает впечатление, что таковы все двигательные акты. Поэтому на инверсивные отношения часто не обращают внимания. Но в нашем обиходе встречается немало и дивергентных двигательных задач, в которых предполагается целый веер возможностей, а *единственное* для всех оптимальное решение отсутствует. Именно при решении таких задач разворачивается картина инверсий. Одной из таких задач, несомненно, является создание изображений. Здесь инверсии наиболее наглядны уже потому, что отображаются на визуализированном материале — готовом изображении.

Изобразительная деятельность человека, конечно, отнюдь не исчерпывается графическими тестами. Например, на материалах *изобразительного искусства* мы тоже можем выявить огромное количество инверсивных проявлений в моторных иерархиях. Ведь любое изображение — это совокупность следов определенных движений на изобразительной поверхности.

Согласно своему предназначению — визуализировать (делать наглядными) психологические особенности — графическая психодиагностика сделала доступными для восприятия не только частные характеристики того или иного субъекта, но и общие закономерности функционирования иерархических систем в целом и иерархических систем активности человека в частности.

Инверсивные отношения составляют существенный компонент функциональных связей во многих иерархических системах. Человеческая активность представляет собой одну из самых сложных иерархических систем, и потому именно в ней мы находим самые яркие проявления инверсивных отношений. Графические (проективные) психодиагностические методы делают эти проявления очевидными, наглядными. Инверсивные отношения в иерархической системе многократно увеличивают вариативность внутрисистемных связей. Теперь к связям между элементами, ведущим (по вектору управляющих воздействий) сверху вниз, добавляются связи, идущие снизу вверх.

Инверсия представляет собой многоплановое явление, отнюдь не заключающееся только лишь в функциональной перестановке уровней организации нервной системы индивидуума. Так, инверсивный характер носят защитные механизмы эго, описанные Зигмундом Фрейдом; инверсия проявляется в аддикциях (поскольку аддикция изначально представляет собой *защитный механизм*, ставший самостоятельной патологией). Инверсивные отношения можно видеть в неврозах, всевозможных конфликтных эмоциональных состояниях. Именно эта универсальность и делает инверсию объектом философского интереса, системным механизмом, который не сводится ни к одному из своих проявлений в частностях. При этом инверсия в структуре человеческой активности при всей ее самостоятельной важности представляет собой еще и чрезвычайно иллюстративную модель для определения тех смысловых границ, в которых мы можем говорить об изоморфизме законов, управляющих сложными системами [4]. Так, инверсия в иерархических структурах имеет неодинаковую распространенность в различных иерархиях; наибольшее распространение инверсии получили именно в структуре человеческой активности; наглядность же им придает, в частности, графическая (проективная) диагностика. Очевидно, существуют иерархические структуры, в которых инверсивные отношения не выражены никак или выражены очень слабо. Это означает, что для каждого из всеобщих законов функционирования систем при всей их универсальности может быть обозначен некоторый «полюс применимости», вне которого данный закон имеет меньшую актуальность или совершенно не находит никакого реального выражения. Разумеется, локализация данного «полюса применимости» целиком зависит от содержательного наполнения той или иной системы, от ее собственных, а не универсальных свойств; система же «человек» обладает собственными свойствами, предрасполагающими к широкому распространению инверсий.

1. Аве-Лаллемант У. Графический тест «Звезды и волны». СПб., 2002.
2. Акимова М.К., Алехина Т.Н., Таратута Ж.В. Психометрическая квалификация проективной методики «Несуществующее животное» // Психологическая диагностика. 2004. №4. С. 47–57.
3. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., 1990.
4. Берталанфи Л. Общая теория систем: критический обзор / пер. с англ. Н.С. Юлиной. URL: <http://macroevolution.narod.ru/bertalanfi.htm> (дата обращения: 03.09.2009).
5. Бук Дж. Тест «Дом, дерево, человек» // Проективная психология. М., 2000. С. 260–344.
6. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты. М., 2002.
7. Коренкова Н.Е., Олейник Ю.Н. Психомоторика в структуре интегральной индивидуальности человека // Психологический журнал. 2006. Т. 27, №1. С. 54–66.
8. Маховер К. Проективный рисунок человека. М., 2000.
9. Мира-и-Лопес Е. Графическая методика исследования личности. СПб., 2002.
10. Печенкова Е.В., Фаликман М.В. Нисходящая и восходящая линии переработки информации. URL: http://virtualcoglab.cs.msu.su/projects/up_&_down.html (дата обращения: 28.07.2009).
11. Романова Е.С. Графические методы в практической психологии. СПб., 2001.
12. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. Р.Г. Ванчадзе. М., 1993.
13. Щеголев И. Тайны почерка. СПб., 2006.

Об авторе

Д. А. Севостьянов — канд. мед. наук, доц. кафедры педагогики и психологии, Новосибирский государственный медицинский университет, e-mail: dimasev@ngs.ru

Author

Dr. D. Sevostianov, Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Medical University, e-mail: dimasev@ngs.ru